

I. БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ.*)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Въ Библии Иерусалимъ впервые упоминается подъ именемъ Салима, въ книгѣ Бытія (14, 18), гдѣ Мельхиседекъ называется царемъ Салимскимъ. Имя Иерусалима въ первый разъ встрѣчается въ книгѣ Исуса Навина (10, 1): во главѣ царей ханаанскихъ, соединившихся противъ Исуса Навина, значится Адониседекъ, царь Иерусалимскій. При раздѣлѣ земли обѣтованной Иерусалимъ достался колену Венямину, но постоянно находился во владѣніи колѣна Иудина. Окончательно онъ былъ завоеванъ лишь Давидомъ, который побѣдилъ Іевусеевъ, завладѣлъ ихъ крѣпостію Сіономъ и сталъ жить въ ней, назвавъ ее городомъ Давидовымъ, а вскорѣ перенесъ туда и ковчегъ завета.

Въ сравненіи съ нынѣшнимъ Иерусалимомъ, городъ въ древнѣйшее время лежалъ нѣсколько далѣе къ югу и занималъ значительно меньшее пространство. Онъ состоялъ изъ двухъ частей—изъ города въ собственномъ смыслѣ и горной крѣпости Сіона. Незащищенная часть Иерусалима была расположена по довольно широкому и высокому холму, который съ сѣверо-востока примыкаетъ къ плоскогорью водораздѣла, со всѣхъ же другихъ сторонъ окруженъ долинами, а Сіонъ лежалъ къ востоку отъ города, на узкомъ, низкомъ, но мало-доступномъ холмѣ. Господствуя надъ единственнымъ невысыхающимъ ручьемъ Иерусалима, Гіономъ и надъ входомъ его въ кедронскую долину, Сіонъ представлялъ собою ключъ ко всей мѣстности. Укрѣпленія какъ Сіона, такъ и города Иерусалима, начатыя Давидомъ, были закончены Соломономъ, который занялъ на восточной сторонѣ, къ сѣверу отъ Сіона, еще третій холмъ, построивъ на немъ храмъ Іеговы, дворець, государственныя зданія. На этотъ третій холмъ распространяется, въ псалмахъ и въ книгахъ пророковъ, имя Сіона.

Постройки появившіяся къ сѣверу отъ древней Соломоновской стѣны, на единственной сторонѣ, въ которую городъ могъ расширяться, царь Іудейскій Езекиа окружилъ новою, такъ называемою «второю» стѣною. Когда Езекиа, съ помощію Всемогущаго Господа, удался предотвратить завоеваніе Иерусалима ассирійскимъ царемъ Сенахиримомъ (701 г. до Р. Хр.), это подняло значеніе Иерусалима, какъ священнаго, недоступнаго для язычниковъ, жилища Іеговы, и содѣйствовало тому, что при религиозныхъ реформахъ царя Іосіа храмъ Иерусалимскій признанъ былъ единственнымъ настоящимъ святилищемъ Іеговы во всемъ царствѣ Іудейскомъ.

Въ 597 г. до Рождества Христова Иерусалимъ былъ взятъ вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ. Новая осада, начавшаяся въ 588 г., окончилась чрезъ 1½ г. полнымъ разрушеніемъ города въ 586 г.

Иерусалимъ вновь сталъ заселяться въ 537 г., когда евреи вернулись изъ вавилонскаго плѣна. Зорова-

вель возобновилъ храмъ, но царскій дворець и правительственныя зданія не были восстановлены. Въ 444 г. Неемія вновь окружилъ городъ стѣною, придерживаясь вообще направленія древней городской стѣны, а на сѣверѣ—стѣны Езекиа. О дальнѣйшей судьбѣ Иерусалима подъ персидскимъ владычествомъ почти ничего неизвѣстно.

Посѣщеніе Иерусалима Александромъ Македонскимъ въ 332 году имѣло очевидно довольно важное значеніе для святаго города. Послѣ этого Иерусалимъ находится попеременно подъ владычествомъ то птолемеевъ, царей египетскихъ, то селевкидовъ, властителей Сиріи, но въ 198 г. до Рождества Христова надолго подпадаетъ власти послѣднихъ. Въ 170 и 168 г. Антіохъ IV Епифанъ явился въ Иерусалимъ съ большимъ войскомъ, приказалъ срыть стѣны, большой жертвенникъ предъ храмомъ обратить въ языческій алтарь и приносить въ немъ жертвы Зевсу Олимпійскому, древній же городъ Давидовъ превратилъ въ сильную крѣпость и занялъ сирійскимъ гарнизономъ. Но уже въ 168 г. Іуда Маккавей вновь овладѣлъ Иерусалимомъ, очистилъ храмъ отъ идолослуженія и укрѣпилъ холмъ, на которомъ находился храмъ.

Симонъ Маккавей овладѣлъ въ 142 г. и крѣпостію сирійцевъ. Въ 65 году Помпей занялъ холмъ съ храмомъ и подчинилъ Иерусалимъ римскому владычеству.

При Иродѣ Великомъ Иерусалимъ снова пришелъ въ цвѣтущее состояніе и украсился великолѣпными зданіями. Въ то время Иерусалимъ распался на верхній городъ (юго-зап. холмъ, древнѣйшій Иерусалимъ), нижній городъ или Акру (юго-вост. холмъ, нѣкогда Сіонъ) храмовой кварталъ и предмѣстье, къ западу отъ храма и къ сѣверу отъ верхняго города. Въ Сѣверо-западномъ углу верхняго города Иродъ выстроилъ великолѣпный дворець, наружныя стѣны и башни котораго отчасти сливались съ городской стѣною. Съ особымъ великолѣпіемъ возобновилъ онъ храмъ, соединивъ его съ западными частями города многочисленными мостами. Перестройка эта началась въ 20—19 г. до Рождества Христова, но была закончена лишь въ 62—64 г. по Рождествѣ Христовомъ.

При Архелавъ возникъ на сѣверѣ тогдашняго города новый кварталъ, названный потомъ новымъ городомъ (Кенополисъ). Агриппа I приступилъ къ укрѣпленію города стѣною (третья стѣна Иерусалима), но предпріятіе это доведено было до конца лишь въ началѣ іудейскаго возстанія, въ 66 году по Рождествѣ Христовомъ. Въ эпоху Иродовъ Иерусалимъ, по словамъ Іосифа Флавія, имѣлъ свыше 200,000 жителей.

Во время Господа Исуса Христа къ величайшимъ достопримѣчательностямъ Иерусалима и его окрестностей принадлежали: 1) домъ судей или преторія (Ев. Іоанна XVIII, 28), служившая жилищемъ римскаго намѣстника въ Иерусалимѣ, нѣкогда дворець Ирода, къ югу отъ нынѣшней цитадели и 2) находившійся предъ преторіей ливостротонъ (т. е. каменный помостъ, Ев. Іоан. XIX, 13), во еврейскій Гаввава, откуда Спаситель началъ Свой крестный путь.

Въ 70 г. по Рождествѣ Христовомъ Иерусалимъ

*) Продолженіе, см. № 10 „Сар. Дух. Вѣст.“

быть взять Титомъ и разрушенъ до основанія; оставлены были только три башни Иродова дворца и часть городской стѣны, чтобы десятый легионъ могъ тамъ устроить укрѣпленный лагерь.

Въ 130 году императоръ Адрианъ, въ бытность свою въ Сиріи, задумалъ возстановить Иерусалимъ въ качествѣ языческаго города и этимъ вызвать послѣднее отчаянное возстаніе евреевъ противъ римлянъ. По подавленіи этого возстанія Иерусалимъ, подъ именемъ Aelia Capitolina обращенъ былъ въ римскую колонію; еврейскіе, подъ страхомъ смертной казни, запрещенъ былъ входить въ Иерусалимъ, а на мѣстѣ иудейскаго святилища воздвигнутъ былъ храмъ Юпитеру капитольскому, со статуей Адриана.

Константинъ Великій въ 326—335 г. г. воздвигъ на мѣстѣ распятія и воскресенія Спасителя великолѣпную базилику. Иерусалимъ, который, по видимому, и раньше населенъ былъ главнымъ образомъ христианами, официально признанъ былъ христіанскимъ городомъ. Онъ оставался подъ властью византійскихъ императоровъ до 614 г., когда завоеванъ былъ персидскимъ царемъ Хозроемъ II. По миру 628 года императоръ Ираклій вновь приобрѣлъ Иерусалимъ, но уже въ 637 г. халифъ Омаръ подчинилъ его власти мусульманъ. Иерусалимъ получилъ арабское имя Эль-кудъ (святилище), но арабскіе писатели употребляютъ и названіе Aesia въ формѣ Илія (Isija).

Въ 969 г. Абассиды должны были уступить Иерусалимъ египетскимъ фатимидамъ, а у этихъ послѣднихъ онъ былъ въ 1077 г. отнятъ артокидами, вѣтвью сельджуковъ, которые стали подвергать христіанскихъ пилигримовъ жестокимъ преслѣдованіямъ, чѣмъ и вызвали крестовые походы. Послѣ того, какъ фатимиды, въ 1098 г. вновь овладѣли Иерусалимомъ, онъ 15 іюля 1099 г. былъ завоеванъ французскими крестоносцами, подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго и снова сдѣлался столицей независимаго государства, которое при братѣ и преемникѣ Готфрида, Балдуинѣ I, подъ именемъ Иерусалимскаго королевства, на короткое время достигло, въ срединѣ XII столѣтія, высокой степени процвѣтанія.

Въ 1187 году Иерусалимъ вновь отнятъ былъ у христіанъ египетскимъ султаномъ Саладиномъ. Только въ 1329 г. удалось захватить въ свое владѣніе Иерусалимъ императору Фридриху II; онъ, посредствомъ брака, приобрѣлъ право на Иерусалимскую корону, которую до сихъ поръ тщетно стремились приобрести Генрихъ шампанскій и другіе претенденты на нее. Но уже въ 1244 году Иерусалимомъ вновь овладѣли мусульмане, и корона Иерусалимская осталась лишь почетной регаліей нѣкоторыхъ европейскіхъ династій. Въ 1388 г. Иерусалимъ былъ отнятъ у Эйюбидовъ (изъ рода Салидина) египетскими мусульманами, а въ 1517 году имъ овладѣлъ халифъ османовъ Селимъ I. Съ тѣхъ поръ Иерусалимъ остается подъ владычествомъ Порты, за исключеніемъ лишь наибольшаго промежутка времени, съ 1833 до 1840 г., когда онъ находился подъ властію египетскаго вице-короля Мегметъ-Али.

Подъ турецкимъ владычествомъ исчезли послѣдніе остатки средневѣковаго блеска Иерусалима. Нѣко-

торое возрожденіе города замѣчается въ новое время, когда въ Иерусалимѣ, съ 1820 г. появились протестантскіе миссіонеры (германскіе, англійскіе, америчскіе) и европейскіе консулы (англійскій съ 1839 г., прусскій съ 1842 г., русскій съ 1858 г.; еще въ 1839 г. Базили, жившій, главнымъ образомъ въ Бейрутѣ, назначенъ былъ консуломъ въ Сирію и Палестину).

Русская миссія основана была въ Иерусалимѣ въ 1858 г., первымъ ея настоятелемъ былъ извѣстный преосвященный Порфирій (Успенскій).

Иерусалимъ въ настоящее время представляетъ изъ себя областной городъ Дамаскаго вилайета (генералъ-губернаторства) въ Сиріи (въ турецкой имперіи). Городъ находится у потока Кедрона, на склонахъ трехъ отроговъ иудейскихъ горъ: Акра, Сионъ и Морія. Долины, раздѣляющія эти отроги, были раньше очень глубоки, но теперь онѣ засыпаны, застроены и мало замѣтны. За долинами пустынная мѣстность, безплодная голыя скалы. Съ сѣвера къ югу городъ перерѣзанъ оврагомъ. Современный Иерусалимъ окруженъ зубчатою каменною стѣною съ 34 бастіонами и башнями и 7 воротами (Яффскія на западъ, сионскія—или Давидовы—и грязныя на югъ, золотыя и геесиманскія на востокъ, Иродовы и Дамаскскія на сѣверъ). Городъ дѣлится на половины—Западную (на холмѣ Сионскомъ) и восточную съ высотами (Морія и Акра) и состоитъ изъ четырехъ кварталовъ: 1, христіанскаго на сѣверо-западъ съ церковью Святого Гроба; 2) армянскаго на юго-западъ, гдѣ Сионъ и протестантская церковь; 3) еврейскаго къ юго-востоку; 4) магометанскаго на сѣверо-востокъ, съ старою площадью храма, мечетью Омара и домомъ паши, съ 1840 г. имѣющаго постоянное мѣстопробываніе въ Иерусалимѣ. Изъ 170 улицъ Иерусалима нѣтъ ни одной совершенно прямой или вполне удобной для экипажной ѣзды. Главная улица дамасская, или базарная, идущая съ сѣвера къ югу, отдѣляетъ сначала христіанскій кварталъ отъ армянскаго, затѣмъ мусульманскій отъ еврейскаго. Площадей всего три. Рѣчной и родниковой воды нѣтъ, но съ древнихъ временъ сохранилось два общественныхъ водохранилища, довольно значительныхъ размѣровъ.

Въ послѣднее время за городской стѣной, по яффской дорогѣ, возникаетъ новый городъ; зданіями европейскаго типа застроено довольно большое пространство. Сюда перенесли свою резиденцію европейскіе консулы. Здѣсь вокзалъ желѣзной дороги, соединяющей Иерусалимъ съ Яффою.

Населеніе по народностямъ пестрое; точное число его неизвѣстно. Среди христіанъ преобладаютъ православные, у которыхъ до 20 церквей и монастырей, много школъ и богоугодныхъ заведеній. Православная церковь имѣетъ здѣсь своего Патріарха. Римскіе католики и армяне имѣютъ также своихъ патріарховъ, а іаковиты, копты и абиссинцы—епископовъ. Англія также назначаетъ въ Иерусалимъ своего епископа.

Русское Императорское православное палестинское общество, основанное въ 1881 году, содержитъ въ Палестинѣ болѣе 100 учебныхъ заведеній и оказываетъ пособіе нѣкоторымъ школамъ. Имъ же устроено на сѣверо-западъ отъ Иерусалима, въ полуверстѣ отъ яф-

фскихъ воротъ, на такъ называемой мейданской площади (принадлежавшей русскому правительству; посреди ея пятиглавый соборъ во имя Св. Троицы; тутъ-же домъ русскаго генеральнаго консула) русское подворье для паломниковъ съ 44 отдѣльными комнатами и 8 общими палатами, рассчитанными на 951 человекъ. Прибывающіе на поклоненіе святынямъ русскіе богомольцы простого званія пользуются бесплатно помѣщеніемъ и столомъ. При подворьѣ больница на 54 кровати.

Населеніе Іерусалима въ общемъ бѣдное; общественной жизни нѣтъ. Торговля и промышленность на весьма низкой ступени; главное занятіе жителей—выдѣлка предметовъ религіознаго культа: четокъ, образковъ, крестиковъ, распятій и проч., большею частью изъ перламутра, маслянаго дерева и кипариса.

Среди разнообразныхъ воспоминаній и размышлений о святой землѣ и священномъ городѣ, мы не замѣтили, какъ наступило позднее время ночи; намъ нужно было подкрѣпиться сномъ, такъ какъ на слѣдующій день раннимъ утромъ мы должны были пристать къ Яффѣ.

Святая Земля.

1) Отъ Яффы до Іерусалима.

Въ 6 ч. у. 30 июня нашъ пароходъ бросилъ якорь на рейдѣ, приблизительно въ верстѣ отъ Яффы. Яффа обнесена стѣною и расположена амфитеатромъ по склону небольшого мыса, вдающагося въ море. Скалистая гряда окаймляетъ берегъ. Какъ только остановился пароходъ, множество лодчиковъ окружили его и скоро забрались на пароходную палубу. Съ трудомъ мы едва-едва отдѣлались отъ назойливыхъ арабовъ, готовыхъ насильно усадить насъ на свои лодки и везти на берегъ. Арабы ловкіе и искусные гребцы, но, какъ намъ говорили, люди хищные и недобросовѣстные. Къ счастью, мы могли не обращать вниманія на лодчиковъ, такъ какъ ожидали коваса Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Не долго пришлось ожидать коваса; не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ нашей остановки около Яффы на нашъ пароходъ явился ковасъ Марко, престарѣлый черногорецъ въ своемъ очень красивомъ національномъ костюмѣ. Марко съ подвѣдомыми ему рабочими взялъ нашъ багажъ для отправки на берегъ, а потомъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Мы сердечно распрощались съ администраціей парохода „Евфратъ“, благодарили капитана и его помощниковъ за то вниманіе и предупредительность, которыя они оказывали намъ во все время плаванія отъ Константинополя до Яффы. Владиміръ Богдановичъ, желая обезпечить удобное путешествіе послѣ посѣщенія Святой земли отъ Яффы до Портъ-Саида, убѣдительно просилъ капитана оставить матрацы, которыми мы пользовались отъ Константинополя до Яффы, у Яффскаго агента Р. О. П. и Т. до нашего

возвращенія въ Яффу. Но капитанъ рѣшительно не согласился оставить матрацы въ Яффѣ, ссылаясь на то, что объ этомъ не имѣется у него распоряженія. Владиміръ Богдановичъ указывалъ капитану на то, что въ Одессѣ онъ, Директоръ, получилъ отъ главнаго агента увѣреніе, что матрацы въ мѣстахъ нашихъ остановокъ можно сдавать мѣстному агенту Р. О. П. и Т. Капитанъ остался непреклоннымъ, и матрацы остались на пароходѣ.

Мы сошли съ парохода, сѣли въ большую лодку и, не смотря на сильнѣйшее волненіе и множество подводныхъ камней, довольно скоро вполне благополучно переправились на берегъ.

Вотъ какъ въ своемъ дневникѣ описываетъ первое впечатлѣніе отъ Яффы и переправу на берегъ одинъ изъ учениковъ. „Это было 30 июня, когда мы впервые увидѣли, еще издалека, верхушки многочисленныхъ Яффскихъ домовъ. Утро было непривѣтливое. Сѣрая облака клубами толпились на небѣ, только въ немногихъ мѣстахъ позволяя видѣть клочки неба. Море, непривѣтливое, сѣрое море неровно морщилось небольшими волнами, поднимаемыми слабымъ вѣтромъ. Тихо плескалъ нашъ корабль, медленно двигаясь впередъ. Я уже успѣлъ разглядѣть въ бинокль видъ на этотъ городъ, цѣль нашего десятидневнаго путешествія. Небольшой городокъ, расположенный на высокоподнимающемся берегу, сѣрые дома, какъ бы растущіе въ красивомъ безпорядкѣ одинъ надъ другимъ толпились къ морю и глядѣли на насъ каждый всѣми своими окнами. Этотъ безпорядочный рядъ домовъ какъ то гармонировалъ своимъ сѣрымъ цвѣтомъ со всей окружающей обстановкой, со всей картиной этого непривѣтливо-мрачнаго утра.

Корабль нашъ замедлил свой ходъ. Дома росли, приближаясь; я уже замѣчалъ на берегу, на подмосткахъ и небольшой площадкѣ предъ набережной разноцвѣтную, шумную толпу арабовъ. Далеко—далеко отъ берега кинулъ нашъ пароходъ свой якорь. Здѣсь близко нельзя приставать къ берегу: много рифовъ, много подводныхъ скаль-буруновъ и камней, скрывающихся подъ этими сѣрыми водами. Невдалекѣ отъ берега чернѣлъ цѣлый рядъ такихъ большихъ, черныхъ угрюмыхъ камней-скаль. Бѣшено налетаютъ на нихъ быстрыя волны, но ничто не можетъ сокрушить ихъ твердую каменную грудь, разбиваются о нихъ волны одна за другой, обдавая ихъ каждый разъ цѣлыми потоками бѣлыхъ мелкихъ брызгъ. Красивъ былъ издали этотъ правильный полукругъ большихъ черныхъ скаль съ вѣчно бѣлой, вѣчно кипящей лѣною внизу. Видно было изъ-за нихъ, какъ съ берега собираются отдѣльные лодки на нашъ пароходъ. Мы должны будемъ плыть между этими рифами—каменьями. Ловкіе привычные гребцы-арабы твердою увѣренною рукою держали лодку прямо къ этимъ камнямъ.

Красиво было смотрѣть издали, какъ одна за другой съ размахомъ, двинутыя сильными движеніемъ руки гребца, проскальзывали лодки опасный переходъ, направляясь на перерывъ, торопясь и перегоняя другъ друга, къ нашему пароходу. Быстро подвигались онѣ, разрывая сѣрыя волны, птицей несясь одна за другою. Черезъ минуту они были уже у борта.

Раздался лязгъ цѣпей и скрипъ блоковъ, на которыхъ спускали нашъ трапъ, и черезъ нѣсколько секундъ на борту нашего парохода уже толпились арабы, торговцы и носильщики, продавая и навязывая свой товаръ, главнымъ образомъ фрукты, крупный спѣлый виноградъ, душистые персики и груши по баснословно-дешевой цѣнѣ.

Въ 7 ч. 35 м. у. мы сошли на берегъ и сгруппировались около здания русскаго агенства. Директоръ пошелъ размѣнивать деньги, а мы въ это время имѣли возможность нѣсколько присмотрѣться къ окружающей насъ обстановкѣ. Грязь, зловоніе, тѣснота окружали насъ; шумъ и крики торговцевъ висѣли въ воздухѣ и рвали уши, была необыкновенная суматоха; по узкому пространству невозможно было безъ особыхъ усилій пройти, всюду сновали идущіе и ѣдущіе на ослахъ, лошадахъ, верхомъ и въ экипажахъ. Мы за десятидневное плаваніе уже значительно отвыкли отъ всего этого; всѣмъ хотѣлось скорѣе удалиться отсюда.

Въ 7 ч. 45 м. мы двинулись по кривымъ улицамъ города, мѣстами переходящимъ въ крытые корридоры, а мѣстами даже совершенно замыкаемымъ постройками, поставленными безъ всякаго плана. Грязь, духота и обычные для восточнаго города миазмы наполняли всю Яффу, не смотря на близость моря и прекрасныхъ яффскихъ садовъ. Все время пришлось къ тому же идти по пыльной дорогѣ.

Въ 8 ч. 30 м. мы были у воротъ подворья іерусалимской русскаго духовной миссіи. Войдя въ ворота, мы оказались въ очень чистомъ дворѣ, по широкой, усыпанной пескомъ и мелкимъ камнемъ и обсаженной разнообразными тропическими растеніями, аллеѣ, мы скоро дошли до двухъ-этажнаго здания съ очень удобнымъ и просторнымъ помѣщеніемъ для русскихъ паломниковъ; къ зданію примыкала площадка, усыпанная пескомъ, чистая изящная, вся обсаженная разнообразными деревьями и цвѣтами. На площадкѣ стояли столы, около нихъ скамьи, деревянные диваны и стулья. Прохлада и чудный ароматическій воздухъ распространялся всюду.

Насъ весьма радушно встрѣтили монахи подворья во главѣ съ добродушнѣйшимъ и гостепримнѣйшимъ о. Павломъ. Чаю мы напился на открытомъ воздухѣ подъ деревомъ, на которомъ росли еще зеленые въ ту пору грецкіе орѣхи. Одинъ изъ учениковъ, Сартори, большой любитель ящерицъ, послѣ чаепитія, между

прочимъ, замѣтилъ на деревѣ, подъ тѣнью котораго мы пили чай, быстро пробѣжавшую ящерицу. Цвѣтъ ея былъ совершенно сходенъ съ цвѣтомъ дерева. Сартори довольно скоро поймалъ ящерицу; подробно рассмотрѣлъ ее и пустил на дерево. Ящерица быстро устремилась вверхъ по дереву и мгновенно скрылась въ вѣтвяхъ его. Для насъ были новизною и цвѣтъ ящерицы, нѣкоторыя особенности во внѣшнемъ видѣ и то, что ящерица не ползала по землѣ, а жила на деревѣ. Это гекконъ—ящерица, водящаяся только въ Палестинѣ и восточномъ Египтѣ. Особенно интересны конечности геккона: концы пальцевъ представляютъ круглыя подушки и снабжены тонкими длинными коготками. При помощи ихъ-то гекконъ и обладаетъ замѣчательной способностью лазить по отвѣснымъ стѣнамъ и высокимъ деревьямъ. Голова у геккона большая трехугольная и украшена огромными круглыми глазами.

Когда всѣ кончили пить чай и немного отдохнули послѣ чаепитія, гостепримные монахи предложили намъ освѣжиться купаньемъ въ ихъ бассейнѣ. Мы, конечно, съ радостью согласились; по узкой тропинкѣ насъ провели къ небольшой площадкѣ, расположенной за цвѣтникомъ. Здѣсь, посреди желтаго песку, которымъ были усыпаны дорожки, красиво блестяли воды небольшого, но чистаго бассейна—пруда, освѣщенного пышными олеандрами; усыпанныя красивыми блѣднорозовыми цвѣтами, съ своею темною зеленью, съ темнымъ фономъ кипарисовъ и рожковыхъ деревьевъ, онѣ представляли необыкновенно красивую картину. Прямо передъ бассейномъ, на небольшомъ, въ нѣсколько ступеней, возвышеніи, подъ сводомъ темныхъ вѣтвей, была расположена небольшая бесѣдка, вся утопающая въ розовыхъ олеандровыхъ цвѣтахъ. Вода была холодна и пріятна; бассейнъ спускался внизъ тремя крупными высокими ступенями, такъ что по срединѣ нельзя было въ водѣ достать дна.

Освѣжившись прекраснымъ купаньемъ, мы направились осматривать садъ, который былъ видѣнъ съ площадкѣ и тянулся на довольно большое разстояніе. Мы шли по широкимъ аллеямъ, утрамбованнымъ, посыпаннымъ пескомъ; аллеи содержались необыкновенно чисто и опрятно и шли по разнымъ направленіямъ среди апельсиновыхъ, гранатныхъ, лимонныхъ, пальмовыхъ и другихъ деревьевъ. Прозрачный чистый воздухъ былъ пропитанъ всевозможными ароматами.

Скоро мы дошли до небольшой, съ очень высокою колокольнею, церкви, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ Апостолъ Петръ воскресилъ Тавифу.

Войдя въ церковный притворъ, мы увидѣли на стѣнѣ огромное изображеніе воскресенія Тавифы, а подъ этимъ изображеніемъ крупными

буквами написанное: „Въ Іопніи находилась одна ученица, именемъ Тавифа, что значитъ серна: она была исполнена добрыхъ дѣлъ и творила много милостынъ. Случилось въ тѣ дни, что она занемогла и умерла; ее омыли и положили въ горницу. А какъ Лидда была близъ Іопніи, то ученики, услышавши, что Петръ находится тамъ, послали къ нему двухъ человекъ просить, чтобы онъ не замедлилъ придти къ нимъ. Петръ вставъ пошелъ съ ними; и когда онъ прибылъ, ввели его въ горницу, и всѣ вдовицы со слезами предстали предъ нимъ, показывая рубашки и платя, какія дѣлала Серна, живя съ ними. Петръ выславъ всѣхъ вонъ, и преклонивъ колѣна, помолился, и обратившись къ тѣлу сказалъ: Тавифа, встань. И она открыла глаза свои и, увидѣвши Петра, съла. Онъ, подавъ ей руку, поднялъ ее и, призвавъ святыхъ и вдовицъ, поставилъ ее предъ ними живою. Это сдѣлалось извѣстнымъ по всей Іопніи, и многіе увѣровали въ Господа. И довольно дней пробылъ онъ въ Іопніи унѣ котораго Симона Кожевника. (Дѣян. 9, 36—43).

Съ благоговѣйнымъ трепетомъ мы разсматривали художественное изображеніе воскресенія Тавифы, прочитали подписанное подъ этимъ изображеніемъ; наши мысли перенеслись къ тому времени, когда на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стояли, совершилось великое чудо воскресенія.

Изъ притвора мы поднялись на высокую, въ нѣсколько ярусовъ, колокольню. Съ каждой стороны самой высокой площадки колокольни мы могли любоваться открывающимися разнообразными видами неописанной красоты. Предъ нами на необъятное пространство, сначала среди всевозможныхъ зданій въ восточномъ видѣ, а потомъ отдѣльно, поразительно красивою группою тянулись знаменитые яфѣскіе сады. Мы легко могли различить безчисленное множество деревьевъ лимонныхъ, апельсинныхъ, пальмъ, гранатовъ и другихъ тропическихъ деревьевъ, растений, цвѣтовъ. Нигдѣ еще мы не видѣли такой красоты природы. Не хотѣлось сходить съ колокольни; но нужно было торопиться, такъ какъ времени до выѣзда изъ Яффы оставалось не такъ много.

Мы спустились внизъ, осмотрѣли маленькую, но въ высшей степени чистую и изящную церковь: иконостасъ блестялъ яркою позолотою, иконы были новыя художественнаго письма; подсвѣчники, лампады и вся утварь церковная и все внутреннее убранство храма произвели на насъ самое отрадное впечатлѣніе, возбудили въ насъ радостныя свѣтлыя религиозныя чувства и воспоминанія.

Изъ храма мы направились къ площадкѣ, съ которой вошли. Здѣсь насъ ожидали уже два стола, накрытыхъ бѣлосвѣжными скатертями и уставленныхъ рыбными закусками и фруктами.

Хлѣбосольные хозяева-монахи убѣдительно

просили насъ быть какъ дома и не гнушаться ихъ столомъ.

Еще съ парохода увидѣвъ святую землю, мы исполнились религиознаго боодушевленія, почувствовали подъемъ религиознаго настроенія. Но при высадкѣ въ Яфѣ и до самаго прибытія въ подворье миссіи все окружающее насъ, можно сказать, парализовало всякую религиозную настроенность и скорѣе отвлекало мысли отъ всего религиознаго. Только теперь, послѣ всего видѣннаго и испытаннаго нами подъ гостепріимнымъ кровомъ миссіи, мы, окруженные ласкою и любовью, наконецъ вполнѣ почувствовали, что находимся на святой землѣ, своими грѣшными ногами попираемъ ту землю, по которой ходилъ нашъ Спаситель.

Наплывъ религиозныхъ чувствъ невольно вылился въ той молитвѣ, которую мы всѣ, съ необыкновеннымъ подъемомъ религиознаго настроенія, прочѣли передъ обѣдомъ. Обѣдъ былъ весьма вкусный и питательный, хотя состоялъ изъ рыбныхъ блюдъ; въ заключеніе предложено было въ полномъ изобиліи винограду и фруктовъ.

Нужно замѣтить, что мы не сообщали начальнику Русской миссіи о. Архимандриту Леониду, въ вѣдѣніи котораго находилось яфѣское подворье миссіи, о времени своего прибытія въ Яффу; а потому о. Павелъ, завѣдующій подворьемъ, ко времени нашего прибытія не имѣлъ распоряженія объ угощеніи насъ обѣдомъ. Не смотря на это, добрѣйшій о. Павелъ никакъ не могъ отпустить насъ въ Іерусалимъ безъ обѣда и рѣшился сдѣлать это на свой страхъ; онъ зналъ, что страннолюбивый и набожный о. Архимандритъ вполнѣ одобритъ его поступокъ—накормить путешествующихъ въ Святой Градъ и напротивъ будетъ недоволенъ, если будетъ сдѣлано противоположное.

За обѣдомъ ученики сидѣли весьма чинно и скромно. Послѣ обѣда съ воодушевленіемъ ими была прочѣта молитва. Монахи удивлялись воспитанности и благочестивому настроенію молодежи; въ простотѣ сердца говорили они руководителямъ, что никогда еще не видѣли у себя такую русскую молодежь.

Впослѣдствіи, пріѣхавъ въ Саратовъ, мы узнали отъ Владыки Гермогена, что ему совершенно неожиданно изъ Яффы прислано было письмо отъ неизвѣстнаго Преосвященному іеродіакону Василія. Въ этомъ письмѣ о. Іеродіаконъ просилъ извиненія, что, не будучи знакомъ съ Преосвященнымъ Гермогеномъ, рѣшился писать ему; онъ не могъ умолчать о томъ, что видѣлъ и слышалъ; далѣе о. Іеродіаконъ весьма одобрительно отзывался о поведеніи учениковъ Саратовскихъ среднихъ учебныхъ заведеній; о. Василій не находилъ словъ достаточно восхвалять религиозную настроенность и благоговѣніе нашей молодежи. И дѣйствительно, поведение учениковъ въ Яфѣ было выше всякой похвалы.

Ученикамъ такъ правилось пребываніе въ подворьѣ миссіи, что они не скрывали своего полнаго восторга отъ слышаннаго и видѣннаго и готовы были пробывать здѣсь долго, долго; „это рай земной“ говорили ученики, очарованные окружающею ихъ красою, а также ласкою и любовью насельниковъ подворья. Но долго нельзя было пользоваться гостепріимнымъ кровомъ миссіи, нужно было торопиться на вокзалъ желѣзной дороги, чтобы не запоздать на поѣздъ въ Иерусалимъ.

Быль уже второй часъ дня, когда мы сердечно поблагодаривъ радушныхъ монаховъ, въ сопровожденіи коваса Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, направились изъ гостепріимнаго крова миссіи на вокзалъ желѣзной дороги. Пришлось опять итти по пыли среди невыносимаго жара, по песчаной мѣстности. На наше счастье до вокзала было не особенно далеко и мы дошли до него довольно скоро.

Вокзалъ скорѣе походилъ на сарай, окрашенный въ коричневыи цвѣтъ и былъ миниатюрень; но въ немъ было довольно большое оживленіе. Среди публики можно было видѣть лицъ разныхъ нарѣчій, одеждъ и націй.

Особенно выдѣлялись мѣстные жители, похожіе на бедуиновъ, въ своихъ живописныхъ длинныхъ костюмахъ съ широкими рукавами и плащахъ, красиво драпирующихъ все тѣло.

Одинъ изъ нихъ былъ необычайно красивъ: смуглее загорѣлое лицо его было поразительно правильно и полно дикой и въ то же время строгой красоты и достоинства; курчавые довольно длинные волосы, черная густая недлинная раздваивающаяся борода обрамляла это красивое лицо, черные глаза, какъ два угля, блестяли отвагой, жизнью и энергіей. Движенія его были легки и изящны; мы невольно залюбовались этимъ, повидимому, сыномъ пустыни.

При взглядѣ на этого, исполненнаго красоты, обитателя Палестины въ сознаніи пронеслась мысль: можетъ быть эта красота человѣческая напоминаетъ ту красоту небесную, которую имѣлъ Богочеловѣкъ, можетъ быть и одежда этого обителя пустынь іудейскихъ, совершенно нетронутаго вѣками и тысячелѣтіями цивилизаціи и культуры человѣческой, похожа на ту одежду, которую носили современники Господа и Самъ Господь. Кромѣ людей, похожихъ на бедуиновъ, на вокзалѣ были греки, арабы и представители другихъ народовъ.

Локаль и окружающее его мѣсто наполнила не только разнообразная публика, но и торговцы фруктовыми водами, фруктами и зеленью, которые расположились вездѣ. Множество арбузовъ было наложено въ разныхъ мѣстахъ и продавались не дорого. Прекрасный, крупный и вкусный виноградъ предлагали за 2 к. фунтъ.

Не долго намъ пришлось быть въ вокзалѣ; скоро въ особый вагонъ нагрузили нашъ багажъ,

а затѣмъ и намъ дали два небольшихъ вагона, въ которыхъ мы довольно удобно расположились. Какое-то воодушевленное и радостное настроеніе царило въ нашихъ вагонахъ.

(До слѣдующаго №—ра).

IV.

О похоронной кассѣ духовенства Саратовской епархіи.

(Письмо въ Редакцію)

Отъ лица другихъ и отъ себя почтительнѣйше прошу Редакцію разсѣять наше недоумѣніе, сдѣлавши намъ необходимое объясненіе по слѣдующему вопросу. Мы очень были рады нарожденію въ нашей епархіи похоронной кассы; мы смотрѣли и смотримъ на нее, какъ на благотворительное и потому очень полезное и симпатичное учрежденіе. Мы согласны съ тѣмъ, что нужно платить подрядъ два года, 1910 и 1911-й, чтобы затѣмъ осиротѣвшій семейство имѣющихъ умереть въ послѣдующіе годы, могли бы получить 40 руб. за каждый внесенный рубль. Но насъ удивляетъ то, что не успѣло на свѣтъ Божій появиться это новорожденное дитя (похоронная касса) Саратовской епархіи, какъ тотчасъ же всѣмъ сродникамъ его приходится платить „пени“, т. е. подвергаться наказанію, ибо „пени“ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ наказаніе. Какъ-то странно! По нашему мнѣнію, съ понятіемъ о благотворительности не вяжется мысль о наказаніи; кажется тутъ не должно быть виновныхъ. Да и чѣмъ мы виноваты, что не заплатили во время взноса за 1910 годъ, когда объ утвержденіи самаго устава похоронной кассы стало извѣстно только въ концѣ года? Но это еще полбѣды. Пороптали немного, когда взяли съ насъ первое «пени», да и примирились: гдѣ молъ, наше не пропало! А когда во второй разъ взяли съ насъ „пени“ въ половинномъ размѣрѣ годоваго взноса, тутъ ужъ, каемся, обнаружилось среди насъ сильное недовольство. Зачѣмъ же взято въ другой разъ «пени» и почему именно въ половинномъ размѣрѣ, а не меньше и не больше? Это не только непонятно, но и тяжело. Возьмемъ примѣръ. Я заплатилъ 10 р. за прошлый годъ, а съ «пени» 11 руб. 80 коп., затѣмъ скорѣе же съ меня требовали еще „пени“ 5 руб. и какъ съ неполучающаго казеннаго жалованія требовали 10 руб. въ текущій годъ, на этотъ разъ безъ «пени» (спасибо хоть за это). Значитъ всего я отвалилъ въ короткое время 26 руб. 80 к., да пересылочныхъ 2 коп. и всетаки умирать мнѣ нельзя въ текущемъ году,—семейство мое не получить того, что слѣдуетъ. Тяжеленько, но перенесъ; семейство у меня не велико. А подумайте, какъ приходится псаломщику съ 10 р. взносомъ и съ кучей дѣтей. Поневолѣ заропщешь и скажешь (какъ и сказали нѣкоторые изъ нихъ): «Если бъ я зналъ, что будетъ такъ, то и не сталъ бы вносить 10 руб., а записался бы въ рублевники!» И такъ, по нашему мнѣнію никакого „пени“ въ такомъ благотворительномъ обществѣ, какъ похоронная касса, не должно бы быть. Думаемъ, что взносы за два года